

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 391(470.67)+74(470.67)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИСКУССТВА с. КУБАЧИ*

М.М. Маммаев,

доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Института истории, археологии
и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала

misrixan 37 @ mail.ru

Аннотация: В статье освещаются вопросы истоков кубачинского искусства по данным памятников камнерезного искусства XIII–XV вв. – рельефов (деталей архитектурного декора) с изобразительными сюжетами и надмогильных памятников с декоративными арабскими надписями и растительным орнаментом, а также художественно отделанных бронзовых котлов. Автор полемизирует с исследователями, считающими средневековое искусство с. Кубачи привнесенным целиком извне – из стран Ближнего Востока. Приводятся аргументы в пользу того, что каменные рельефы и надмогильные памятники изготовлены местными мастерами – зирихгеранами, предками кубачинцев, при непосредственном участии приезжих или специально приглашенных из Ближнего Востока мастеров – камнерезов, каллиграфов, специалистов архитектурно-декоративных работ, строителей. Приводятся также факты, позволяющие считать, что с. Кубачи было основано не в конце XIII – начале XIV в. некими пришельцами из Малой Азии (Рума) или северо-западного Ирака (Джазиры), как полагают отдельные исследователи, а в начале I тысячелетия нашей эры. Топоним Зирихгеран автор локализует в районе нынешнего расположения с. Кубачи и идентифицирует с этим населенным пунктом. Подвергаются критике ошибочные взгляды З. Доде о монгольской атрибуции средневековых каменных рельефов с изобразительными сюжетами из с. Кубачи.

В статье показана непосредственная преемственность традиций кубачинского искусства именно с XIII–XV вв.

Ключевые слова: Кубачи, искусство, происхождение, Средние века, резьба по камню, рельефы – архитектурные детали, изобразительные сюжеты, бронзовые котлы, надмогильные памятники, арабские надписи, орнамент, атрибуция, топоним Зирихгеран, локализация и идентификация.

ON THE ORIGIN OF ART OF THE VILLAGE KUBACHI

M.M. Mammaev,

Doctor of Arts, Chief Researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography
of Dagestan Scientific Center, RAS, Makhachkala

misrixan 37 @ mail.ru

Abstract: The author of the article highlights the problem of the origin of Kubachi art, basing on the monuments of stone-cutting art of the 13th-15th centuries: reliefs (details of architectural decoration) with figural subjects, gravestones with ornamental Arabic inscriptions and floral ornament, and artistically decorated bronze pots. The author argues against the researchers who consider that medieval art of the village Kubachi was entirely brought from the Middle East. He argues that stone reliefs and gravestones were made by the local craftsmen from Zirikhgeran, who were ancestors of the Kubachins, with the direct participation of the craftsmen who arrived or were specially invited from the Middle East - stonecutters, calligraphers, experts in architecture and decorative art, builders. The author refers to the facts, which suggest that the village Kubachi was not founded at the end of the 13th – beginning of the 14th century by newcomers from Asia Minor (Rum) or north-western Iraq (Jazeera), as some researchers believe, but it

was founded at the beginning of the first millennium AD. The toponym *Zirikhgeranis* referred to the area of current location of the village Kubachi and is identified with this populated locality. The author of the article criticizes *Z. Dode's* erroneous views concerning Mongolian attribution of the medieval stone reliefs with figural subjects from the village Kubachi.

The article shows the direct continuity of traditions of the Kubachi art from the 13th–15th centuries.

Keywords: Kubachi, art, origin, Middle Ages, stone carving, reliefs – architectural details, figural subjects, bronze pots, gravestones, Arabic inscriptions, ornament, attribution, toponym *Zirikhgeran*, localization and identification.

Искусство с Кубачи изучали и продолжают изучать многие историки, этнографы, археологи, архитекторы и искусствоведы. В трудах ряда ученых и путешественников, а также военнослужащих XVIII–XIX вв. – И.Г. Гербера (ум. в 1734 г.), Я.А. Марковича (1696–1770), И.Я. Лерха (1703–1780), Я. Рейнеггса (1744–1793), Я.О. Потоцкого (1761–1815), М.К. Ковалевского (ум. в 1847 г.) и И.Ф. Бларамберга (1803–1878), Аббас-Кули-ага (Кудси) Бакиханова (1794–1847), И.Н. Березина (1818–1895), акад. Б.А. Дорна (1805–1881), генерала А.В. Комарова (1823–1904), акад. Д.Н. Анучина (1843–1923), археолога А.С. Уварова (1825–1884), генерала Максуда Алиханова-Аварского (1846–1907) и других вопросы происхождения кубачинского искусства затрагивались в увязке с вопросами происхождения самих кубачинцев, выдвигая при этом самые различные, порою фантастические версии, считая их народом то французского, то немецкого, то итальянского, то греческого и т.д. происхождения [см.: 28, с. 52–54].

В советское время изучение материальной и духовной культуры кубачинцев, их общественного строя и традиционного искусства было поставлено на прочную научную основу видным этнографом-кавказоведом Евгением Михайловичем Шиллингом (1892–1953). В его основном научном труде «Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды» [45], написанном на основе обширных материалов, собранных им во время неоднократных поездок в Кубачи, а также с использованием сведений письменных источников, литературных данных, легенд и преданий и т.д., большое место занимает описание искусства художественной обработки металла – традиционного занятия кубачинцев на протяжении многих веков. Он детально описал бронзолитейное и медночеканное производства, ювелирное искусство, оружейное дело, подробно рассмотрел традиционный орнамент. Искусству Кубачи он посвятил ряд специальных работ [41–44]. По верной оценке проф. Г.Я. Мовчана и этнографа-кавказоведа, доцента Московского государственного университета Я.А. Федорова, «исследования Е.М. Шиллинга, по сути дела, открыли заново и в новом аспекте всемирно известное искусство кубачинских мастеров» [37].

Принципиально важное значение имело заключение авторитетного исследователя Е.М. Шиллинга о том, что «легенды самих кубачинцев и их соседей и домыслы Гербера, а вслед за ними и многих других о «франкском» (европейском) происхождении кубачинцев реальных оснований за собой не имеют» [45, с. 14]. Он верно считал, что «предки кубачинцев – древние зирихгераны, местные аборигены, родственные соседним даргинцам и кайтагам» [45, с. 14]. Исходя из этого верного и научно обоснованного вывода должен решаться и вопрос, касающийся происхождения кубачинцев и истоков их искусства.

Определенным вкладом в изучение кубачинского искусства являются труды и других исследователей – Н.Б. Бакланова «Златокузнецы Дагестана» [4], «Архитектурные памятники Дагестана» [5], А.С. Башкирова «Искусство Дагестана. Резные камни» [6], И.А. Орбели «Албанские рельефы и бронзовые котлы» [38], Э.В. Кильчевской «Декоративное искусство аула Кубачи» и «От изобразительности к орнаменту» [24; 25] и др.

Свой вклад в изучение кубачинского искусства периода средневековья внес ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа кандидат исторических наук Анатолий Алексеевич Иванов. На его работах необходимо остановиться несколько подробнее, так как в них, на наш взгляд, не совсем верно освещаются вопросы происхождения кубачинского искусства и истории самого с. Кубачи. Его заслугой является то, что он разработал научно обоснованную методику датировки каменных рельефов – деталей архитектурного декора и литых бронзовых котлов, выявил в сс. Кубачи, Калакорейш и Шири новые рельефы и надмогильные памятники с узорно-эпиграфическими композициями, осветил ряд важных вопросов средневековой истории кубачинского искусства.

В своих исследованиях А.А. Иванов рассматривает в основном памятники средневекового камнерезного искусства и художественного бронзового литья (декоративно отделанных котлов)

Кубачи, так как они являются ценным и важным источником для освещения проблемы происхождения кубачинского искусства. Эти выдающиеся произведения искусства до середины 70-х гг. XX в. оставались крайне слабо изученными. Не решив вопрос их атрибуции, невозможно должным образом раскрыть вопрос происхождения искусства с. Кубачи, тем самым выяснив истоки современного искусства кубачинцев, так как именно с эпохи средневековья (XIII–XV вв.) прослеживается непосредственная преемственность его традиций.

Вопросы, касающиеся средневековых резных камней и литых бронзовых котлов, а также происхождения искусства с. Кубачи, А.А. Иванов рассматривает в ряде своих работ, изданных в прошлом столетии и в начале XXI в. Однако со многими положениями его работ трудно согласиться. В докладе «О связях Грузии и Дагестана в XIV–XV вв.», прочитанном на II Международном симпозиуме по грузинскому искусству в 1977 г. в г. Тбилиси [13], средневековые кубачинские каменные рельефы – детали архитектурного декора он делит «по своему орнаменту» на 2 большие группы: в первую группу им включены рельефы «с растительным орнаментом Ближнего Востока XIII–XIV вв., скорее иранского культурного круга, чем арабского». Во вторую группу включены рельефы с «орнаментом в виде пятилепестковой пальметки или полулиста ... Именно этот орнамент отсутствует на памятниках первой группы» [13, с. 2–3]. Далее он пишет, что «подавляющее большинство рельефов второй группы изготовлено из песчаника – камня, который не применялся ни в строительстве в Кубачи, ни для изготовления могильных плит» [13, с. 3]. В итоге делает вывод о том, «что памятники второй группы были сделаны вне Кубачи и потом были сюда привезены, ибо трудно допустить, что в небольшом селении существовали два стиля украшения рельефов. Следует добавить, что орнаменты в виде пятилепестковой розетки (имеется в виду пятичастная пальметта. – Авт.) и крупного полулиста (т.е. полупальметта. – Авт.) так и не вошли в репертуар орнаментов кубачинских мастеров» [13, с. 4]. Рельефы второй группы А.А. Иванов считает привезенными в Кубачи «из аварских районов (Гидатль–Хунзах)» [13, с. 5]. Выше приведенные положения доклада А.А. Иванова были разработаны в его предшествующей работе «О датировке кубачинских памятников» [12]. Но в докладе свои взгляды на средневековые кубачинские резные камни он изложил более лаконично.

По поводу мнения А.А.Иванова о средневековых памятниках искусства с. Кубачи, изложенного в отмеченном выше докладе и в работе «О датировке кубачинских памятников», мы уже высказывались, отметив при этом, что средневековые кубачинские резные камни не были привезены откуда-то, что они были изготовлены в самом с. Кубачи, а выходы камня – песчаника в этом селении имеются. Песчаник (разные сорта его) использовали как при строительстве домов, так и при изготовлении рельефов – архитектурных деталей, а также надмогильных памятников с узорно-эпиграфическим декором [34, с. 164–166].

Не согласны с мнением А.А.Иванова о том, что на памятниках первой группы по его классификации, т.е. на архитектурных деталях и надмогильных памятниках XIV–XV вв. из с. Кубачи, изготовленных из глинистого сланца, отсутствует «орнамент в виде пятилепестковой пальметки и полулиста» (полупальметки. – Авт.) [13, с. 2–3] и что эти элементы орнамента «так и не вошли в репертуар орнаментов кубачинских мастеров» [13, с. 4].

Пятичастная или пятилепестковая пальметта, аналогичная пятилепестковым пальметкам на архитектурных деталях и на бронзовых котлах закрытого типа из с. Кубачи, представлена на верхних боковых углах надмогильного памятника XIV–XV вв. из с. Ашты (рис.1). Художественная отделка его намного уступает отделке кубачинских памятников. На надгробиях из с. Кубачи точно такая пальметта пока не обнаружена. К настоящему времени могильные плиты, как уже отмечали, слабо изучены, не все зафиксированы и взяты на учет. Многие из них, поломавшиеся от воздействия атмосферных явлений за долгие годы, прошедшие после их установки над могилами, ушли в землю. Весьма вероятно, что пятилепестковая пальметта высекалась и на кубачинских надгробиях. На некоторых из них, относящихся к XV в. (рис. 2, 6), представлены пятилепестковые пальметты [3, рис. 14; 8, рис. 101-6], по рисунку несколько отличающиеся от пальметт на архитектурных деталях и на котлах закрытого типа. Но и это понятно, так как орнамент годами и веками видоизменялся, совершенствовался. Поэтому пятичастная пальметта в том виде, в каком она представлена на средневековых резных камнях Кубачи, в современном искусстве не выявлена. В видоизмененном виде, превратившись в пятилепестковую розетку с удлиненным верхним лепестком, она представлена широко в современном орнаменте кубачинцев (рис. 3). Сошлемся лишь на два примера [3, рис. 32] – орнамент, заключенный в круг; [19, рис. 8, 10] – разные варианты.

Что касается орнаментального элемента в виде полупальметты, то она хорошо представлена и в средневековом (рис. 4) и в современном искусстве Кубачи, в том числе на надмогильных памятниках XIV–XV вв. Орнаментом в виде вьюнка – волнистого побега стебля с отходящими от него влево и вправо полупальметтами обрамлена широкая эпиграфическая полоса надмогильного памятника 783 г. хиджры / 1381–82 гг. из сел. Кубачи (рис. 5), изготовленного, кстати, не из глинистого сланца, а из светлого песчаника [30, с. 161, рис. 54; 34, рис. 148]. Фотографию памятника с прорисовкой декора (эстампажный отпечаток) мы послали А.А. Иванову несколько лет тому назад.

Другой памятник из с. Кубачи, близкий по декоративной отделке памятнику 783 г.х. / 1381–82 гг., до настоящего времени стоит на юго-западном участке средневекового кладбища «Бидахъ хуппе». На этом памятнике вьюнок – волнистый стебель с полупальметтами, идентичный вьюнку памятника 1381–82 гг., обрамляет верхнюю часть эпиграфической полосы. А.А. Иванов не мог не заметить этого памятника, когда он в начале 70-х гг. прошлого столетия описывал «на кладбищах Кубачи около 130 могильных камней XIV – первой половины XV вв.» [16, с. 220]. Орнаментом в виде вьюнка с полупальметтами отделаны боковые края и верх надмогильного памятника XIV в. из ДацІамажила [24, табл. VII,2; 25, рис. 91]. Волнистым стеблем с полупальметтами отделан другой памятник из ДацІамажила (эстампажный отпечаток имеется у автора данной статьи).

Крупные рельефные полупальметты, опущенные верхними концами вниз (т.н. «прокинутые»), часто встречаются в отделке центральных полей надгробий (рис. 6) из сс. Кубачи, Калакорейш, Ашты, урочища ДацІамажила [24, табл. VII,8; 25, рис. 94; 3, рис. 14–15; 12, с. 173–175, рис. 126–127; 27, рис. 182–184; 30, рис. 11–12; 56; 34, рис. 151–159; 8, рис. 101-б]. Рельефные полупальметты, соединенные между собой основаниями под прямым углом, украшают верхние боковые углы многих кубачинских надмогильных плит. Рельефными орнаментальными композициями вьюнков с полупальметтами отделаны узкие грани одного из деревянных опорных столбов мечети в с. Шири [24, табл. IX,3; 8, рис. 60-в]. Так что орнаментальный элемент в виде полупальметты в средневековом искусстве Кубачи и соседних селений, представленный в различных видах декоративно-прикладного искусства, был одним из широко распространенных.

Когда читаешь то, что пишет А.А. Иванов, будто «орнаменты в виде пятилепестковой пальметки и полулиста ... так и не вошли в репертуар орнаментов кубачинских мастеров» [13, с. 4], невольно задумываешься, а хорошо ли знает он современное кубачинское искусство?

Полупальметта (по А.А. Иванову «полулист») является одним из распространенных элементов различных орнаментальных композиций современных кубачинских мастеров. В учебном пособии «Основы кубачинского искусства», написанном преподавателем кубачинской средней общеобразовательной школы Г.Б. Изабакаровым, ныне заслуженным художником РФ, представлена орнаментальная композиция, называемая по-кубачински «лумла накыш» (бордюрный орнамент) в виде волнистого побега стебля с отходящими от его изгибов полупальметтами [19, рис. 20,1]. Разные варианты полупальметт с кубачинским названием «Гябка бикІ» представлены в общей таблице орнаментальных элементов в первом издании учебного пособия того же автора «Основы кубачинского искусства» [19, с. 34–35, рис. 4].

Орнаментом в виде вьюнка «лумла накыш» с полупальметтами украшен подол платья сидящей женщины с ребенком на руках, воспроизведенной на серебряном декоративном блюде «Женщина-мать» (рис. 7) работы народного художника РФ и РД, кубачинского мастера-ювелира Р.А. Алиханова, отделанном разными видами гравировки с чернью и различными орнаментальными композициями [см.: 8, рис. 200-б; 34, с. 559, рис. 304].

Полупальметты входят в орнаментальную композицию с чернью серебряного подноса, изготовленного Р.А. Алихановым в 1964 г. [20, илл. 115]. Вызывает удивление, почему один из авторов и составитель альбома «Искусство Кубачи» А.А. Иванов этого не заметил и пишет о том, что полупальметта не вошла в репертуар современных кубачинских мастеров.

Орнаментом «лумла накыш» в виде волнистого стебля с отходящими от него полупальметтами отделан край серебряного блюда «Вращение», изготовленного в 1973 г. кубачинским мастером, народным художником РФ и РД Г.-Б. Магомедовым [см.: 7, с. 36–37, илл. 44].

Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что полупальметта как один из элементов растительного орнамента получила широкое распространение и в средневековом, и в современном искусстве с. Кубачи.

В тезисах доклада «О происхождении искусства селения Кубачи» А.А. Иванов высказал предположение о связях средневекового искусства Кубачи с искусством Малой Азии или Ирака.

Он допускал возможность приезда в с.Кубачи мастеров из этих областей [14, с. 35]. Позднее в небольшой статье «Культура Кубачи» А.А.Иванов пишет, что «искусство Кубачи XIV–XV вв. принесено некими пришельцами, возможно, даже из Малой Азии» [17, с. 117]. В другой статье «Дракон в искусстве Кубачи» [18, с. 84] он пытается более полно обосновать высказанное в его предыдущих публикациях мнение о том, что «искусство обработки камня, так прославившее Кубачи, было создано пришельцами из северо-западного Ирака (Джазиры) или Малой Азии (Рума) в XIV в., а само селение было основано на рубеже XIII–XIV вв.» [18, с. 84].

На основе сопоставления изображений драконов, воспроизведенных на средневековых кубачинских каменных рельефах – деталях архитектурного декора, с изображениями этих существ в искусстве Кониин (Малой Азии) и Джазиры (северо-западного Ирака), А.А. Иванов делает заключение о том, что «каменщики (или скульпторы), работавшие в Кубачи, приехали из упомянутых выше районов Ближнего Востока ... Разумеется, это была небольшая группа людей (а не многочисленные племена), и они ассимилировались среди даргинцев, поскольку пока в кубачинском диалекте даргинского языка не удастся выявить большого слоя какого-то языка, на котором говорили бы люди, приехавшие из Малой Азии (Рума) или Джазиры» [18, с. 90]. В этой связи возникают вопросы: 1. А небольшой слой какого-то языка, на котором говорили бы люди, приехавшие из Малой Азии (Рума) или Джазиры, удастся выявить в кубачинском диалекте даргинского языка? И что это за слой и кто его выявил? 2. Можно ли на основе сравнительного изучения только изображений драконов в искусстве Кубачи и Ближнего Востока делать заключение о том, что все средневековые кубачинские каменные рельефы с изобразительными сюжетами, декоративными арабскими надписями, а также надмогильные памятники с узорно-эпиграфическими композициями созданы пришлыми мастерами из Джазиры или Рума (Кониин)? Если проводить такие параллели, то почему бы в сравнительном плане не исследовать и другие изобразительные сюжеты кубачинских резных камней – изображения львов, барсов, грифонов, единорогов, оленей, орлов, сцен охоты, борьбы и состязаний, звериного гона и т.д.? Точно так же и надмогильных памятников, отделанных декоративными арабскими надписями и растительным орнаментом, чтобы полнее прояснить такой сложный и дискутируемый вопрос, как происхождение кубачинского искусства?

При сопоставлении изображения дракона, представленного на фрагменте тимпана из с. Кубачи (рис.8), хранящемся в Государственном Эрмитаже, с изображениями драконов на памятниках искусства Джазиры и Рума (рис.9) А.А. Иванов допускает большие натяжки. Он пишет: «Если сравнивать трактовку дракона на фрагменте тимпана из Кубачи с трактовкой драконов, представленных на воротах в Багдаде ..., на воротах караван-сарая ал-Хан около Мосула, на воротах крепости Дийарбекре, на воротах Амадии (около Мосула), на нескольких каменных блоках из крепости в Кониин, то можно говорить не только о совпадении сюжетов, а буквально об их копировании в полном смысле слова» [18, с. 88].

Иконография драконов, воспроизведенных на памятниках камнерезного искусства Кубачи и Ближнего Востока, имеет определенные различия, и вряд ли можно говорить о том, что «кубачинские драконы» скопированы «в полном смысле слова» с изображений драконов памятников искусства Ближнего Востока, хотя у них и имеются некоторые общие черты. Чтобы копировать то или иное изображение, мастер или художник должен иметь перед собой копируемый образец. Кроме того, разница в хронологии между изображениями драконов на кубачинских рельефах и на памятниках Ближнего Востока большая. Об этом пишет сам А.А. Иванов: «Правда, здесь возникают некоторые хронологические «ножницы»: все рассматриваемые выше изображения драконов (как в камне, так и в бронзе) из Джазиры – Анатолии датируются XIII в., хотя встречаются и более ранние образцы (например, ворота Урфы в Дийарбекре – 1183–1184 г. или миниатюры рукописи «Китаб ад-дирийак», переписанной в Мосуле в 1199 г.). Рельефы из Кубачи, с учетом точно датированных могильных плит, относятся к концу XIV в. (и вряд ли лучшие из них можно «подтянуть» к середине XIV в., хотя более точной их датировки пока предложить нельзя)» [18, с. 90]. Да и расстояние между с.Кубачи и северо-западным Ираком огромное.

Изображения львов, барсов, грифонов, единорогов, сфинксов, драконов, сцен охоты, звериного гона, терзания хищником травоядного животного и т.д., воспроизведенные на кубачинских рельефах, – это не плод художественного воображения жителей средневекового Зирихгерана-Кубачи и не изобретения зирихгерано-кубачинских мастеров. Образы и сюжеты эти заимствованы из самых различных произведений декоративно-прикладного искусства в процессе широких историко-культурных связей Зирихгерана-Кубачи и Дагестана в целом со странами

Ближнего и Среднего Востока. Но в сел.Кубачи они были творчески переработаны. В средние века они получили распространение в искусстве многих стран и народов, при этом в их трактовке есть свои местные черты, особенности иконографии. Средневековый художник слепо не копировал увиденное изображение, а творчески перерабатывал по-своему, в соответствии с местными художественными традициями и эстетическими воззрениями.

Среди сюжетов и образов должны быть преимущественно такие, которые занесены приезжими или специально приглашенными для работы в с. Кубачи мастерами-камнерезами ближневосточных стран.

Точно так же декоративные арабские надписи, с большим художественным мастерством отделанные орнаментом и представленные на архитектурных деталях и на надмогильных памятниках XIV–XV вв. из с. Кубачи, первоначально привнесены после исламизации Зирихгерана-Кубачи, а со временем широко использовались местными мастерами в резьбе по камню и дереву.

Нам совершенно не понятно упорное и настойчивое стремление А.А. Иванова принизить роль и вклад зирихгеранов – предков кубачинцев, т.е. мастеров с. Кубачи в создание выдающихся произведений декоративно-прикладного искусства мирового уровня, приписать их другим. Первоначально он считал, что часть средневековых кубачинских резных камней XIV–XV вв. (вторая группа по его классификации, около 130 рельефов) была изготовлена «где-то на северо-западе Дагестана», в аварских районах (Гидатль–Хунзах), а затем в какое-то время привезена в Кубачи [12, с.179–180; 13, с. 4]. Позднее, в 2008 г., он выдвинул другую версию, согласно которой те же рельефы второй группы и бронзовые котлы «закрытого типа» были изготовлены не в Кубачи, а «где-то неподалеку и потом привезены в селение» [17, с. 117]. Но неподалеку от с. Кубачи ни в средние века, ни позднее другого художественного центра, где отливались бы бронзовые котлы и изготовлялись бы каменные рельефы, не существовало.

Мы вовсе не отрицаем того, что в Кубачи в средние века работали приезжие или специально приглашенные из ближневосточных стран мастера, которые оказали большое влияние на развитие камнерезного искусства, изготовление путем литья бронзовых котлов, резьбы по дереву и т.д. Но работали и местные мастера. Известный арабский географ и космограф Закарийя ибн Мухаммад ал-Казвини (1203–1283) в географическом труде «Памятники стран и известия о людях» («Асар ал-билад ва ахбар ал-ибад») сообщал о зирихгеранах, что «они любят чужеземцев, особенно тех, кто разбирается в науке или каллиграфии, и тех, кто знает какое-нибудь ремесло...» [см.: 48, с.333]. Из сообщения ал-Казвини можно сделать вывод о том, что среди зирихгеранов работали приезжие мастера, а также каллиграфы, которые выполняли декоративные арабские надписи на надмогильных памятниках и архитектурных деталях.

А такой вид ремесла, как изготовление бронзовых котлов, было занесено в Кубачи из Хорасана, и первоначально оно было, вероятно, налажено пришлыми мастерами, так как литье котлов было сложным процессом, требующим специальной выучки, особых навыков и хорошего знания самой техники непосредственного литья. Затем местные мастера-зирихгераны сами наладили литье котлов, светильников, чирагов и т.д., и со временем котельное производство стало одной из развитых отраслей ремесла у кубачинцев, дожившей до середины 70-х гг. XX в.

Резьба по камню и дереву, металлообработка – изготовление кольчуг и различных видов оружия – развивались еще до прихода в Кубачи иноземных мастеров.

Не вызывает сомнений и то, что в XII–XIII вв. в этом селении была изготовлена сравнительно небольшая группа каменных рельефов с изобразительными сюжетами и орнаментом [31, с. 62–83; 34, с. 159–164], а в XIV–XV вв. резьба по камню достигает высокой степени развития и совершенства. Она существенно обогатилась за счет занесенных пришлыми мастерами сюжетов, образов, орнаментальных мотивов и арабской декоративной каллиграфии. Каменные рельефы – детали архитектурного декора с различными изобразительными сюжетами, орнаментом, декоративными арабскими надписями, а также надмогильные памятники с узорно-эпиграфическими композициями в большинстве своем выполнены местными мастерами при участии приезжих или специально приглашенных мастеров-камнерезов, у которых местные мастера переняли многое – сюжеты и образы, орнамент, арабскую каллиграфию, художественно-выразительные средства и т.д.

В эпитафиях надгробий представлены домусульманские имена, трудные для чтения [34, с.184, 190, рис. 148, 153–А,Б]. Считать, что надгробия, на которых «собственные имена написаны арабскими буквами, но образованы не от арабских корней» [16, с. 217], установлены над могилами

приезжих лиц, нет никаких оснований. Такие домусульманские, трудные для чтения имена встречаются на средневековых памятниках по всему Дагестану [47, с. 349–352].

Селение Кубачи привлекало приезжающих в этот населенный пункт иноземных мастеров не случайно. К XII–XIII в. оно являлось крупным центром ремесла, где изготовлялось разнообразное оружие и воинские доспехи, особенно кольчуги и панцири, которые ценились очень высоко.

Будучи экономически развитым, кубачинское общество имело, должно быть, возможность нанимать со стороны мастеров – резчиков по камню, дереву, строителей, мастеров архитектурно-декоративных работ.

Именно высокоразвитое производство и продажа оружия способствовали существенному экономическому подъему и послужили причиной того, что с.Кубачи в XIII–XV вв. превратилось в крупнейший на Восточном Кавказе центр ремесла, торговли и культуры.

Приводимые средневековыми восточными авторами ал-Масуди (X в.) [35, с. 52; 35, с. 203], ал-Гарнати (XII в.) [39, с. 50], ал-Казвини (XIII в.) [см.: 48, с. 333] и другими перечни изготавливаемых зирихгеранами железных предметов – кольчуг, панцирей, шлемов, мечей, копий, луков и стрел, кинжалов и т.д., свидетельствуют не только о широком ассортименте изготавливаемого оружия, но и о высоком уровне развития оружейного производства. Изготовление кольчуг и панцирей – защитных воинских доспехов – дало жителям с. Кубачи название Зирихгеран. Это персидское название и равнозначное ему по смыслу тюркское название Кубачи служат показателем того, что в средние века кольчужное производство и оружейное дело в целом у зирихгеранов было известно далеко за пределами горного края, вплоть до стран Ближнего Востока.

Высокий уровень развития оружейного дела у зирихгеранов находит подтверждение и в том, что, когда среднеазиатский властитель Тимур после учиненных им в Нагорном Дагестане жесточайших погромов, убийств и разрушений в 1396 г. вторгся в пределы Зирихгерана-Кубачи, жители его, видя невозможность и бесполезность сопротивления грозному завоевателю и во избежание разрушений и кровопролития, вынуждены были покориться и «поднести ему множество брони и кольчуг» [40, с. 87]. Преподнесенные крупнейшему полководцу, завоевателю полмира, видевшему немало высококачественного оружия Востока, кольчуги и, вероятно, холодное оружие зирихгеранов, предков кубачинцев, обладали, должно быть, высочайшими достоинствами.

В непосредственной связи с вопросом происхождения кубачинского искусства находится вопрос о времени основания с. Кубачи. Как было отмечено выше, А.А. Иванов считает, что с. Кубачи было основано где-то в конце XIII – начале XIV в. какими-то пришельцами из Малой Азии или Северного Ирака. В монографии «Зирихгеран-Кубачи: очерки по истории и культуре» мы приводили археологические данные, а также сведения средневековых восточных письменных источников, дагестанских исторических сочинений, подтверждающих древность с. Кубачи [30, с. 13–47].

Если принять версию А.А.Иванова о том, что небольшая группа пришлых людей из Ближнего Востока основала Кубачи на рубеже XIII–XIV вв., то выходит, что они же возвели и жилые дома, колодцы, мосты, круглые в плане мощные оборонительные башни Акайла-кала, Кунакла-кала, Батирталла-ци, Касумкалла-кала (Цилалла-кала), Ирганкалла-кала, Чябкунна-кала, Вявдихьяла-кала, а также крепостные стены на наиболее уязвимых участках обороны селения, построенные после газийских походов правителей Дербента и Ширвана на Зирихгеран в XII в. и накануне монгольского нашествия. Получается, что пришельцы построили здания дворцового типа «Хвала-хьулбе» (большие дома), богато отделанные каменными рельефами. Так как пришельцы были, должно быть, мусульманами, то они же построили и мечети. Но для строительства всех перечисленных объектов требовались колоссальные материальные средства. Могли ли пришельцы – «небольшая группа людей» иметь такие средства? Полагаем, что нет. Все эти сооружения могли построить только местные жители зирихгеранцы – предки кубачинцев, так как они располагали необходимыми для этого материальными средствами от продажи оружия и защитных доспехов – кинжалов, луков со стрелами, кольчуг, панцирей, шлемов, щитов, а также изделий художественного ремесла – бронзовых котлов, светильников, различных украшений и т.д.

А огромные лесные, пастбищные и пахотные земли вокруг с.Кубачи что же до XIII – начала XIV в. могли оставаться ничейными, бесхозными? Считаем, что это исключается, потому что в XI–XII вв. и намного ранее существовали соседние селения Уркарах, Калакорейш, Ицари, Шири, Ашты и др., о чем свидетельствуют археологические материалы [30, с. 15–17] и памятники эпиграфики [50, с. 16–22]. Жители указанных сел могли занять эти земли.

А.А. Иванов считает, «что в селении (Кубачи. – Авт.) не имеется памятников, которые можно считать созданными здесь на месте и которые можно датировать ранее XIV в. Тем самым нарушилась связь с историческим Зирихгераном раннего средневековья, и с особой остротой встал вопрос о времени возникновения селения, которое мы знаем под именем «Кубачи» [16, с. 218]. То же самое сказано в статье «Культура Кубачи»: после введения в научный оборот великолепных могильных камней оказалось, что «в Кубачи нет памятников, которые можно датировать до начала XIV века ..., а расцвет искусства резных камней и изготовления котлов «открытого» типа ... в этом селении падает на вторую половину XIV – начало XV в. Вывод о достаточно поздней датировке памятников из Кубачи привел к разрыву между историческим Зирихгераном и Кубачи. Дело в том, что начиная с IX в. в арабской географической литературе упоминается царство (или селение) Зирихгеран (перс. «изготовители кольчуг, кольчужники»). Находилось оно в Дагестане, но точное место было неизвестно, и никто из писавших о нем там никогда не был. Где находился исторический Зирихгеран, до сих пор неизвестно ...» [17, с. 116].

Мы не согласны с мнением А.А.Иванова относительно датировки памятников искусства Кубачи, а также локализации и идентификации Зирихгерана. На основе сравнительного изучения отдельных сюжетов кубачинских резных камней – рельефа в стене жилого дома А. Гиппаева с изображениями противостоящих львов, рельефа эрмитажного собрания с двумя противостоящими львами с одной общей головой, тимпана двери, хранящегося ныне в Государственном Эрмитаже, с изображением сидящей женщины и со сценой нападения хищной птицы на лань, а также мотива орла, клюющего рыбу и др., сопоставления их с датированными аналогичными сюжетами, воспроизведенными на произведениях искусства других населенных пунктов, областей и стран, мы показали, как уже отмечали выше, что сравнительно небольшое количество каменных рельефов с изобразительными сюжетами и растительным орнаментом было создано в Кубачи в XII–XIII вв. [31, с. 62–83; 34, с. 163–259].

Вывод о поздней датировке памятников искусства с. Кубачи делается А.А. Ивановым без учета датируемых ранее XIV в. каменных рельефов – архитектурных деталей. Кроме того, поздняя датировка надмогильных памятников на самом деле не приводит к разрыву между историческим Зирихгераном и Кубачи. Такой разрыв выдуман самим А.А. Ивановым. Надгробия, датируемые ранее XIV в., в Кубачи пока не выявлены потому, что ислам в этом населенном пункте утвердился в самом конце XIII – начале XIV в. Однако не исключено, что отдельные надгробия с позднекуфическими арабскими надписями, находящиеся на кладбище «Бидахъ хуппе», могут быть датированы концом XIII или началом XIV в. Чтобы относительно точно определить дату изготовления, их надо специально изучить.

До принятия ислама жители Кубачи придерживались зороастрийской религии [30, с. 103–128], а до этого – язычества. Древние языческие захоронения покоятся, вероятно, под мусульманскими погребениями кладбищ, расположенных на западной окраине селения, занимая огромную территорию, начиная от второго бывшего здания Кубачинского художественного комбината в местности Бегухъажила вплоть до самого конца нижнего квартала старой части с. Кубачи. И найти языческие захоронения ныне практически невозможно.

А.А. Иванов считает, что «единственными источниками по истории Кубачи являются памятники искусства ... а) могильные камни; б) рельефы с изображением живых существ, растительным орнаментом и надписями; в) бронзовые котлы «открытого» и «закрытого» типа» [16, с. 215]. А сведения о Зирихгеране, содержащиеся в средневековых восточных письменных источниках и дагестанских исторических сочинениях, а также археологические данные он отвергает. В то же время одна из многочисленных легенд о происхождении кубачинцев, записанная в середине XIX в. спутниками акад. Б.А. Дорна, посетившего в 1861 г. с. Кубачи, используется именно как исторический источник, считая, что в ней излагаются реальные исторические события, имевшие место в действительности [см.: 16, с. 214; 18, с. 84].

Непонятной позиции придерживается А.А. Иванов по вопросу идентификации названия Зирихгеран, известного по раннесредневековым восточным письменным источникам как «царство», «владение», а после трансформации (распада) государственного образования Зирихгеран в горское «вольное общество» (независимая самоуправляющаяся сельская община) как с. Кубачи [29, с. 41–43]. Смысловое значение этих обоих названий он верно переводит, исходя из персидского и тюркского языков, как кольчугоделатели [16, с. 213]. Но в то же время считает, что Зирихгеран – это не с. Кубачи [17, с. 116].

А.А.Иванов пишет, что средневековые восточные географы и историки [ал-Белазури, ал-Йакуби, ал-Истахри, ал-Масуди, ал-Гарнати, ал-Казвини и др.], писавшие о Зирихгеране, никогда

там не были [17, с. 116]. Да, это верно. Но ни один из них не был и в других государственных образованиях Дагестана – ни в Лакзе, ни в Кайтаге, ни в Гумике, ни в Серире и др. Однако исследователи локализуют их точно [см.: 21, с. 194–207]. А дагестанское историческое сочинение «Дербенд-наме», написанное на рубеже XVI–XVII вв. Мухаммадом Аваби Акташи (переведенное с арабского, персидского и тюркского языков на аварский, даргинский, кумыкский, лакский языки, в том числе на кубачинский язык; ныне известно более 40 его списков), в котором описываются исторические события периода V–XI вв., точно локализует Зирихгеран: «Верхней частью Кайтага является Зергеран или Гюбечи» [1, с. 45; 49, с. 21, 34, 50; 9, с. 22, 26, 102, 198, 260, 352; 2, с. 85]. Другие дагестанские исторические сочинения тоже локализуют Зирихгеран на месте нынешнего расположения с. Кубачи. Так, в арабоязычном сочинении «История Маза» (пространная редакция), в котором освещаются вопросы истории X–XVII вв. лезгинского сел .Маза, а также Кайтага, Кумуха и т.д., упоминается «крепость (кала) Курайш (Калакорейш. – Авт.), расположенная на холме, в ущелье, над рекой, поблизости от большого города, именуемого Зарах-каран ...» [23, с.116, 130].

А «История Каракайтага», написанная «не позднее конца XV – начала XVI в.» [22, с. 153], но переписанная намного позднее жителем сел. Гунакари Дахадаевского района А. Халимбековым из рукописи, принадлежащей меусишину Д. Магомедгаджиёву, содержит памятные записи, где говорится: «Хасан Правдивейший был убит в Зирихгеране, то есть в Кубачи, а жители его приняли ислам в семьсот пятом (1305–06) году» [22, с. 152].

Все исследователи, изучавшие или изучающие историю и культуру Кубачи, или затрагивающие в какой-то мере вопросы, касающиеся Зирихгерана, единого мнения о том, что название Зирихгеран относится именно к с. Кубачи. Но А.А. Иванов этого не признает, так как это противоречило бы его утверждению о том, что с. Кубачи было основано в конце XIII – начале XIV в. А если согласиться с мнением о том, что название Зирихгеран относится к с. Кубачи, то историю его пришлось бы удревнить на многие века, так как в восточных письменных источниках – в трудах арабских историков и географов ал-Белазури (ок. 820–892 гг.), ал-Йакуби (ум. в 897 г.) и др. Зирихгеран упоминается в связи с историческими событиями, относящимися к VI–VII вв. н.э. [см.: 30, с. 35–36].

Все имеющиеся к настоящему времени материалы позволяют считать, что история с. Кубачи насчитывает не менее двух тысяч лет.

Вопросы происхождения искусства с. Кубачи рассматривает и З.В. Доде в своей книге «Кубачинские рельефы: Новый взгляд на древние камни» [10], содержащей немало нелепостей, голословных и бездоказательных утверждений, совершенно не приемлемых и слишком отдаленных аналогий сюжетам кубачинских каменных рельефов. По «новым взглядам» З.В. Доде средневековые кубачинские каменные рельефы – детали архитектурного декора – оказались изготовленными монголами и принадлежащими им. Так, она пишет в своей книге: «Монгольская принадлежность кубачинских рельефов не только основывается на определении характерных костюмов (отдельных персонажей, высеченных на каменных архитектурных деталях. – Авт.), но и согласуется с содержанием сюжетов» [10, с. 66]. Она неоднократно пишет о «монгольской атрибуции [кубачинских] памятников» [10, с. 69–70; 11, с. 337]. Монгольскую атрибуцию кубачинских резных камней З.В. Доде считает предложенным ею, но не признанным ни М.М. Маммаевым, ни А.А. Ивановым «принципиально новым направлением для исследования кубачинских памятников» [11, с. 338].

Превратно атрибутируя средневековые кубачинские каменные рельефы, ошибочно интерпретируя представленные на них сюжеты и образы, приписывая монголам исключительную роль в истории и художественной культуре кубачинцев, З.В. Доде фальсифицирует историю искусства с. Кубачи (подробно об этом см.: [32, 33]).

На книгу З.В. Доде хвалебную рецензию написал А.Дж. Магомедов. Публично и в печати непомерно восхваляя работу З.В. Доде, А.Дж. Магомедов пишет: «... то, что сделала автор книги – это новое слово в науке» [26, с. 115]. По А.Дж. Магомедову выходит, что, приписав монголам исключительную роль в создании средневековых памятников искусства с. Кубачи, З.В. Доде сделала крупное научное открытие.

Следует отметить, что А.Дж. Магомедов никогда не занимался изучением средневековых резных камней Кубачи – ни архитектурных деталей, ни надмогильных памятников. У него к настоящему времени нет ни одной публикации, посвященной средневековым кубачинским памятникам искусства – ни проблемной статьи, ни даже тезисов доклада (в книге З.В. Доде нет ни одной ссылки на его работы). Но он, очевидно, считает себя крупнейшим специалистом по

средневековому искусству Кубачи, да и всего Дагестана, и, видимо, глубоко убежден в том, что больше и лучше него в вопросах этого искусства никто не разбирается. Поэтому чтобы продемонстрировать свое неперемное превосходство над другими в знании искусства Кубачи XIII–XV вв. он в спешном порядке опубликовал рецензию на книгу З.В. Доде в «Вестнике Дагестанского научного центра» (2010. № 39. С. 114–115). Однако содержание рецензии показывает, насколько он компетентен в вопросах средневекового искусства с. Кубачи. Не разбирая все основные положения его рецензии, отметим, что, как и З.В. Доде, сам А.Дж. Магомедов тоже сказал свое «новое слово в науке». Он пишет о том, что монголы «способствовали зарождению в Кубачи новых направлений искусства резьбы по камню, медного литья, монументальной архитектуры» [26, с. 115]. По его мнению, «на средневековое искусство Дагестана, наряду с арабо-мусульманским, мощное влияние оказал монгольский имперский стиль искусства» [26, с. 115]. Эти напыщенные утверждения он вряд ли сможет подтвердить на деле путем анализа конкретных произведений искусства.

Накопленные к настоящему времени научные данные об историческом прошлом с. Кубачи показывают, что кубачинцы – не пришлые откуда-то, а коренные, автохтонные жители Дагестана. Данные археологии, антропологии, генетики [см.: приложение**], письменных источников, этнографии, истории, языкознания и др. свидетельствуют о том, что этногенез кубачинцев тесно и непосредственно связан с происхождением даргинцев и других народов Дагестана [30, с. 189 – 243].

Подводя итоги вышеизложенному, отметим, что:

Каменные рельефы XIII–XV вв. – детали архитектурного декора из с. Кубачи изготовлены в этом же селении и ни одна часть из них не привезена откуда-то ни было.

Резные камни – архитектурные детали с изобразительными сюжетами и растительным орнаментом и надмогильные памятники с узорно-эпиграфическим декором изготовлены местными мастерами-зирихгеранами (предками кубачинцев) при участии приезжих или приглашенных из Ближнего Востока мастеров – камнерезов, каллиграфов, специалистов архитектурно-декоративных работ, а также строителей.

Все имеющиеся к настоящему времени материалы позволяют считать, что история с. Кубачи насчитывает не менее двух тысяч лет.

Топоним Зирихгеран идентифицируется с раннегосударственным (этнополитическим) образованием с таким же названием, а после его трансформации, т.е. распада в XII–XIII вв., с с. Кубачи. Локализуется Зирихгеран, согласно данным средневековых дагестанских исторических сочинений, на месте нынешнего с. Кубачи.

Причиной существенного экономического и культурного подъема с. Кубачи в XIII–XV вв. явились производство и продажа различного вида оружия и защитных доспехов, а также изделий художественного ремесла (бронзовые котлы, светильники – чираги и т.д.), перечисляемых в сочинениях восточных средневековых географов и историков ал-Масуди (X в.), ал-Гарнати (XII в.), ал-Казвини (XIII в.), ал-Бакуви (2-я пол. XIV – начало XV в.) [см.: 34, с. 8–9].

Все виды орнаментальных композиций и составные элементы каменных архитектурных деталей и надмогильных памятников, литых бронзовых котлов и резного дерева в несколько видоизмененном и усовершенствованном виде вошли в современное кубачинское искусство.

Наконец, средневековые каменные рельефы-детали архитектурного декора с различными изобразительными сюжетами, надмогильные памятники с арабской и персидской эпиграфикой, декоративной каллиграфией и растительным орнаментом, художественно отделанные изобразительными сюжетами и растительным орнаментом литые бронзовые котлы, памятники резьбы по дереву – это достояние не одних только кубачинцев, а, как уже отметили, национальное достояние всего Дагестана, показывающее его весомый вклад в историю мировой художественной культуры.

* Статья представляет собой переработанный и значительно дополненный текст доклада «Проблема происхождения искусства сел. Кубачи в историко-этнографической литературе XX–XXI вв.», прочитанного на Международной научной конференции «Этнография Кавказа: методологические установки и исследовательская практика советского

периода (к 100-летию С.Ш.Гаджиевой)», состоявшейся в Институте истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН 23–25.10.2014 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акташи М.А.* Дербенд-наме / Перев. с тюрк. и араб. списков, предисл. и библиогр. Г.М.-Р.Оразаева и А.Р.Шихсаидова. Комментар. Г.М.-Р.Оразаева. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. – 160с.
2. *Алибекова П.М.* Дербенд-наме (в переводе Алийара б.Казим с тюркского языка на персидский язык) // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 2015. № 3 (43). С. 82–95.
3. *Алиханов Р.А.* Кубачинский орнамент. М.: Госиздат по бытовому обслуживанию населения, 1963. – 13 с., 40 табл. илл.
4. *Бакланов Н.Б.* Златокузнецы Дагестана. О кустарях-металлистах сел. Кубачи. М., 1926. – 67 с., 25 табл. илл.
5. *Бакланов Н.Б.* Архитектурные памятники Дагестана. Вып. I. Л., 1935. – 49 с., илл.
6. *Башкиров А.С.* Искусство Дагестана: Резные камни. М.: РАНИОН, 1931. – 118 с., 107 табл. илл.
7. *Брюзгина О.И.* Ювелирное искусство Кубачи. Альбом. М.: Интербук-бизнес, 2006. Выпущен на рус., англ., немец., франц., испан.яз. – 160 с., 204 илл.
8. *Дебилов П.М.* История орнамента Дагестана. Возникновение и развитие основных мотивов. М.: Наука, 2001. – 416 с.
9. «Дербенд-наме» на языках народов Дагестана (тексты и комментарии) / Под общей ред. Г.М.-Р.Оразаева. Сост. Д.М.Маламагомедов. Махачкала: Мавраев, 2012. – 408 с.
10. *Доде З.В.* Кубачинские рельефы. Новый взгляд на древние камни // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. X. М.: Изд-во «Памятники исторической мысли»; Ставрополь: Изд-во «Наследие», 2010. – 248 с.
11. *Доде З.В.* Еще раз о рельефах из Кубачи // Степи Европы в эпоху средневековья: Труды по археологии Донецкого национального университета. Т. 11. Донецк, 2012. С. 323–340.
12. *Иванов А.А.* О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Альбом / Сост. А.А.Иванов. Л.: Художник РСФСР, 1976. С. 164–207.
13. *Иванов А.А.* О связях Грузии и Дагестана в XIV-XV вв. Доклад. II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977 (издана отдельной брошюрой). – 7 с.
14. *Иванов А.А.* О происхождении искусства селения Кубачи // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен. III Всесоюзная конференция. Тезисы докладов. М.: Советский художник, 1979. С. 34–35.
15. *Иванов А.А.* Новое чтение надписи на тимпане с борцами из селения Кубачи // ЭВ. Вып. XXII. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. С. 57–60.
16. *Иванов А.А.* Персидские надписи из Кубачи // Rivista studi orientali. Vol. LIX. Fasc. I-IV. Roma, 1987 (статья на рус.яз.). С. 213–224. + 8 илл.
17. *Иванов А.А.* Культура Кубачи // Во дворцах и в шатрах исламский мир от Китая до Европы. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб.: Издание ГЭ, 2008. С. 116–125.
18. *Иванов А.А.* Дракон в искусстве Кубачи // Эрмитажные чтения памяти В.Г.Лукониной (21.01.1932-10.09.1984). К 80-летию со дня рождения / Труды Государственного Эрмитажа. Вып. LXXII. СПб., 2014. С. 84–94.
19. *Изабакаров Г.Б.* Основы кубачинского искусства. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. – 64 с., 36 рис.; Издание 2-е, дополненное. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1992. – 128 с., 59 рис.
20. Искусство Кубачи. Альбом / Сост. А.А.Иванов. Л.: Художник РСФСР, 1976. – 2008 с., 136 илл.
21. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. I. М.: Наука, 2005. – 627 с.
22. История Каракайтага // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. С. 150–161.
23. История Маза // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. С. 133–140.
24. *Кильчевская Э.В.* Декоративное искусство аула Кубачи. М.: Госиздат местной промышленности и художественных промыслов РСФСР, 1962. – 82 с., XVI табл. илл.

25. *Кильчевская Э.В.* От изобразительности к орнаменту. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1968. – 208 с.
26. *Магомедов А.Дж.* Рецензия на: З.В.Доде. Кубачинские рельефы: Новый взгляд на древние камни. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: ГУП «Наследие», 2010. – 248 с. // Вестник Дагестанского научного центра. 2010. № 39. С. 114–115.
27. *Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. – 348 с., 237 илл.
28. *Маммаев М.М.* Проблема происхождения кубачинцев в историко-этнографической литературе XVIII-XX вв. // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа. Тезисы докладов научной конференции. Махачкала: Издание ДНЦ РАН, 1997. С. 52–54.
29. *Маммаев М.М.* Трансформация государственного образования Зирихгеран в кубачинскую сельскую общину («вольное общество») и ее внутреннее самоуправление // Сельская община Дагестана и Северного Кавказа (материалы региональной научной конференции). Махачкала: Издание Института ИАЭ ДНЦ РАН, 2003. С. 41–43.
30. *Маммаев М.М.* Зирихгеран-Кубачи: Очерки по истории и культуре. Махачкала: Издание ДНЦ РАН, 2005. – 250 с.
31. *Маммаев М.М.* К вопросу о датировке средневековых памятников камнерезного искусства сел. Кубачи // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 2011. № 3. С. 62–83.
32. *Маммаев М.М., Иванов А.А.* К проблеме атрибуции средневековых кубачинских каменных рельефов // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2011. № 2. С. 74–96.
33. *Маммаев М.М.* Принадлежат ли средневековые кубачинские каменные рельефы монголам? // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 2013. № 1. С. 72–90.
34. *Маммаев М.М.* Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII-XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада. Махачкала: Эпоха, 2014. – 592 с., 307 илл.
35. *Масуди.* Луга золота и рудники драгоценных камней (Мурудж ад-Дзахаб ва мадаин ал-джавахир) / Перев. Н.А.Караулова // СМОМПК. Вып. XXXVIII. Тифлис, 1908. С. 26–61.
36. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С.188–216 (Приложение III. Масуди о Кавказе). – 265 с.
37. *Мовчан Г.Я., Федоров Я.А.* Свой среди своих // Советский Дагестан. 1970. №3. С. 74–75.
38. *Орбели И.А.* Албанские рельефы и бронзовые котлы // Орбели И.А. Избранные труды. Ереван: Изд-во АН Армян. ССР, 1963. С. 347–361.
39. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153). Публикация О.Г.Большакова и А.Л.Монгайта. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1971. – 136 с.
40. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузенем и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 306 с.
41. *Шиллинг Е.М.* Ювелирный орнамент Кубачей // Искусство. 1936. № 6. С. 105–118.
42. *Шиллинг Е.М.* Кубачи. Пятигорск: Орджоникидзевское краевое изд-во, 1937. – 130 с.
43. *Шиллинг Е.М.* Мастера резца и наковальни // Народное творчество. 1937а. № 1. С. 45–51.
44. *Шиллинг Е.М.* Художественные промыслы Дагестана: 1. Кубачинское чернение, гравировка и литье ... // Народное искусство СССР в художественных промыслах. Т.1. РСФСР. М.; Л.: Госиздат «Искусство», 1940. С. 43–45. Табл. 38–39.
45. *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 223 с. Второе издание этой работы по инициативе А.Д.Канаева: Махачкала: Лотос, 2012. – 240 с.
46. *Шиллинг Е.М.* Народы Кавказа. Малые народы Дагестана / Составление и научное редактирование Н.Г.Волковой, Г.А.Сергеевой. Автор вступ. статьи Ю.Д. Анчабадзе. М.: Издание осуществлено координационно-методическим центром по подготовке серии «Народы и культуры» Института этнологии и антропологии РАН, 1993. – 277 с. Раздел «Кубачинцы». С. 248–270.
47. *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. – 463 с.

48. *Шихсаидов А.Р.* Закарийа ал-Казвини о Дагестане // Шихсаидов А.Р. Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2008. С.329–343.

49. *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 302 с.

50. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 3. Надписи X-XX вв. Новые находки. Издание текстов, переводы, комментарии, статья и приложения Л.И.Лаврова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1980. – 168 с.

****ПРИЛОЖЕНИЕ**

к статье М.М. Маммаева

«К вопросу о происхождении искусства с. Кубачи»

(Заключение специалистов по этнической геномике о генетической истории кубачинского этноса, представленное заведующим лабораторией этногеномики ДНЦ РАН, кандидатом биологических наук Раджабовым Магомедом Османовичем, которому выражаем искреннюю благодарность)

За последние годы специалистами по этнической геномике, используя методы молекулярной генетики – ДНК анализа, проведена огромная работа по изучению этногенеза коренных народов Дагестана. Результаты их работы частично опубликованы в высокорейтинговых российских и зарубежных научных изданиях. Данные, касающиеся генетической истории кубачинского этноса, приводятся в статьях:

Дибирова Х.Д., Балановский О.П., Раджабов М.О. Генетический рельеф Кавказа: четыре лингвистико-географических региона по данным о полиморфизме хромосомы Y // Медицинская генетика. – 2010. – Т. 9, № 10. С. 9 – 18.

Oleg Balanovsky, Khadzhat Dibirova, Magomed Radzhabov, R Spencer Wells, Chris Tyler-Smith, Elena Balanovska, The Genographic Consortium. Parallel Evolution of Genes and Languages in the Caucasus Region//[Molecular Biology and Evolution](#). Oxford. 2011. Volume 28, Issue 10. Pp. 2905-2920.

По заключению указанных авторов методы анализа генетических данных, основанные на расчётах генетических расстояний между популяциями, которые позволяют определить роль и место генофонда конкретного этноса в системе генофондов различных иерархических общностей – региона, страны, субконтинента, континента и ойкумены в целом, позволяют констатировать, что **генофонд малочисленного кубачинского этноса является составной и неотъемлемой частью структуры генофонда коренных народов Дагестана.**

Из обследованных 65 кубачинцев, неродственных между собой до 4 поколения, каждый из которых представлял отдельный тухум – родственную группу, 64 кубачинца, то есть 99%, оказались носителями генетических маркеров, которые идентифицируются как гаплогруппа J1. Данная генеалогическая линия выявлена как субстратная у 30 из 31 (исключением оказался генофонд ногайцев) обследованного коренного этноса Дагестана. Помимо кубачинцев такая же высокая (около 100%) частота встречаемости данной гаплогруппы выявлена у, казалось бы, не родственной кубачинцам, цезской группы этносов Дагестана – бежтинцев, гунзибцев и дидойцев, а также «азербайджанцев» из Нижнего Катруха (материал из презентации доклада М.О. Раджабова на междисциплинарном семинаре ДНЦ РАН).

Таким образом, данные генетики свидетельствуют о том, что генетические истоки всех коренных этносов Дагестана, включая и кубачинцев, оказались едиными, а упомянутые выше этнические группы после дивергенции стали в генетическом смысле популяционными изолятами, повлекшими за собой формирование этноспецифических особенностей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СМОМПК – Сборник мастериав для описания местности и племен Кавказа. Тифлис.

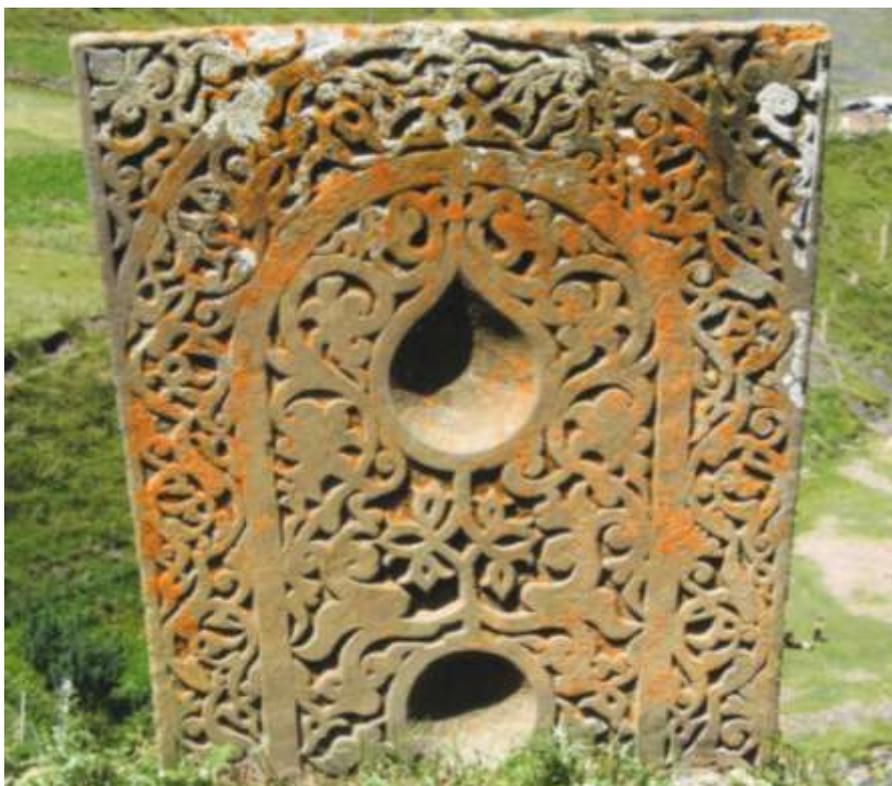

Рис 1. Надмогильный памятник из с. Ашты. Высота декорированной части 120 см, ширина вверху 70 см, внизу 64 см, толщина 6 см. В верхних боковых углах находятся пятилепестковые пальметты с удлиненным верхним лепестком. XV в.

Рис.2. Два надмогильных памятника из с. Кубачи с узорно-эпиграфическими композициями. В верхних боковых углах располагаются рельефные пятилепестковые пальметты, от нижних концов которых отходят в стороны полупальметты. Высота декорированной части надмогильного памятника, стоящего слева, 93,5 см, ширина вверху 76 см, внизу 70 см, толщина 8 см. Высота декорированной части надмогильного памятника, стоящего справа, 102 см, ширина вверху 63 см, внизу 59,3 см, толщина 9 см.

Рис.3. Орнамент «тутта» (дерево) с пятилепестковыми пальметтами с удлиненными и заостренными средними верхними лепестками. По Р.Алиханову. 1963 г.

Рис.4. Каменное двухпроемное окно из с.Кубачи с изображениями стилизованных животных и с растительным орнаментом в виде полупальметт и пятилепестковых пальметт.Высота 119 см, ширина 80 см. Начало XV в. ДГОМ. Прорисовка

Рис.5. Надмогильный памятник 783 с. хиджры /1381-82 гг. из с.Кубачи с арабскими надписями и растительным орнаментом. Высота 118 см, ширина вверху 77 см, внизу 65 см, толщина 6 см. Прорисовка

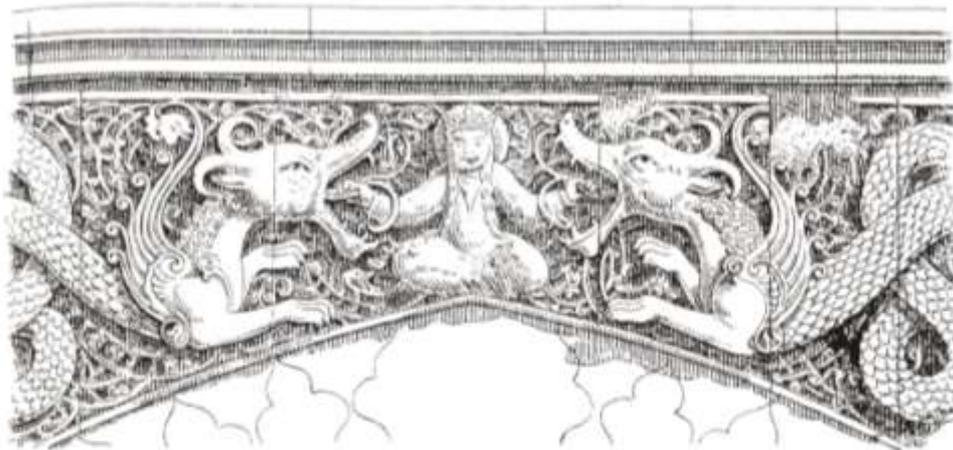
Рис.6. Надмогильный памятник из сел.Кубачи с декоративной арабской надписью, выполненной на фоне растительного орнамента. Размеры см. рис.2 – надгробие, стоящее справа

Рис.7. Алиханов Р. Декоративное блюдо «Женщина-мать». Диаметр 19 см. Серебро, ковка, разные виды гравировки, чернь. 1970 г. Подол платья женщины отделан орнаментальной композицией в виде вьюнка с полупальметтами

Рис.8. Фрагмент каменного тимпана из с. Кубачи с рельефным изображением дракона, преследующего оленя. ГЭ. XIV–XV вв.

Драконы на воротах Багдада.

Портал караван-сарая
ал-Хан около Мосула.

Ворота Урфа в крепости
Дийарбекре.

Рис.9. Изображения драконов на памятниках искусства Джазиры (Северный Ирак) и Рума (Малая Азия). XIII в. По А.А. Иванову